

Максим Осипов

БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

рассказ

Вообразите себе, возможности, скоро у него будут большие, практически неограниченные возможности. Он настаивал именно на возможностях, которые перед ним откроются, непременно, причем в самые ближайшие времена. Пусть она имеет в виду, говорил он, что у него все хорошо и теперь, прямо отлично, много лучше, во всяком случае, чем она может себе представить. Она, разумеется, никак не представляла себе ни теперешних его возможностей, ни тем более тех, на которые он намекал, ей и всего-то надо было от него, чтоб довез поскорей — сейчас и не вспомнишь, куда: в редакцию, в гости, в театр. — Ей, что же, выходит, не интересно послушать, кто он такой? — О, она, кажется, знает, но не станет произносить: еще один приставучий болтливый водитель, грдончик — одно из нескольких слов по-армянски, жаргонных, которым ее научили друзья. «Грдончик» несмотря на проблемы с гласными — куда благозвучней, ласковей, чем «бомбила» по-нашему, хотя означает ровно то самое. Это Москва, каждый второй автомобиль тут — такси. Только поднимешь руку и: — Сколько? — А сколько дашь? — Нет, он не бомбила, — этот все продолжает бубнить, — и машина, на которой они сейчас едут, она не его собственная, а служебная, у него самого имеется совершенно другая тачка, другой, как он выразился, аппарат, но он не собирается его на наших колдобинах убивать, а подобрал он ее не потому, что нуждается в деньгах — с ударением на первый слог, очень поместечковому, хотя уж кем-кем, а евреем он быть не мог, но и на русского не похож — коми, чуваш, удмурт, маленький, но с громадными, по его словам, возможностями впереди. Быстрый, дробный такой говорок, и быстрая, но аккуратная в целом манера вождения, лицо хоть и не безобразное, но и не выражающее ничего. Ему, продолжает он, полагается личный водитель, однако он предпочитает все делать самостоятельно. — Уж не ради таких ли вот встреч? Впрочем, ей-то какое дело? Остановите вон там. — Так она?.. Пообедавать, поужинать, «вместе покушать». — О, Господи. В зеркало давно смотрел на себя? — нет-нет, зачем обижать? — да и его ухаживание, так это назовем, было не наглым, а каким-то наивным, автоматическим, глупым до чрезвычайности — не удаль, не ум, не талант, а большие возможности — вот чем он пытался ее соблазнить, привлечь. Из человеческого, пожалуй что, только дефект речи, детский какой-то: он смешно выговаривал букву «ша». Попробовала оставить ему то ли двести рублей, то ли двадцать тысяч — она совершенно не помнит, какие суммы были тогда в ходу, — отказался. Сунул ей карточку, с личным номером, сказал: он этот номер вообще никому не дает, никогда, почти, так что если она передумает... — О, непременно, мерси.

Победы, подобные этой, не приносят и тени радости, и она никогда бы не вспомнила низкорослого грдончика — мало ли кто волочился за ней до и после, хотя так нелепо, как он, мало кто, — если б не случай, не происшествие, сильнейшим образом изменившее жизнь. Утром рано пришли —

шестеро и собака, восемнадцатилетнюю дочь ее посадили в машину и увезли, а квартиру перевернули вверх дном, хотя у них шел ремонт и, казалось, сильнее переворачивать некуда — выяснилось, что есть, еще как. Страх за дочь, ощущение того, что все происходит не с ними, не с ней, стыд от сваленных в кучу белья, старых писем, фотографий родных и чувство, что надо бороться, конечно: звать адвокатов, говорить гадости этим жлобам, но жизнь, в общем, кончилась. — Что вы ищете, господа? — какие они к черту ей господа. — Граждане, на каком основании производится обыск в моей квартире? — На основании ордера — вот. Экстремизм, терроризм, анархизм, записи в сети Интернет, когда надо будет, ей объяснят. Только собака вела себя более или менее пристойно: походила, понюхала и улеглась безучастно, она дала собаке воды. — Это что? — спрашивает ее старший, и впервые в его голосе слышится интерес: профессионал, обнаружил в старой сумке на антресолях за рваной подкладкой карточку — имя, фамилия, номер — ту самую. Дайте сюда! — она выхватывает карточку из рук старшего и, не дав себе времени сообразить, что именно хочет сказать, звонит. — Слушаю, — с характерным «ша». Разговор их длится едва ли минуту-две, да и говорит-то одна она: слезы, клятвы, мольба — не время стесняться. Он наконец произносит все тем же бесстрастным тоном, которым рассказывал ей про возможности: — Передайте трубку старшему. — Тот выходит, потом возвращается: — Значит, так. Закроем ее надолго, если до вторника не выедет из страны. По номеру этому никогда не звоните, поняли? — Усмехается: — Идите в отделение, забирайте свое сокровище. Цезарь, за мной. — Ушли. «Жизнь отымела смысл» — надпись, сделанная на заборе, автор надписи неизвестен: часто хорошее, самое лучшее автора не имеет — как частушка, половица, анекдот.

И теперь, спустя сколько-то лет, немало, потому что дочь ее за это время закончила университет в Лилле, московские подруги и друзья дочери, такие же, в общем, девочки и мальчики из хороших семей, успели отсидеть в тюрьмах и лагерях, кто весь срок, а кто — часть его, им дали от семи до двенадцати, а сама она после многочисленных приключений и переездов оказалась в собственном доме на юге Франции, — и, конечно, все эти годы она краем глаза, боковым зрением следит за карьерой своего — необходимо признать — благодетеля, водилы-бомбилы, грдончика, следит с ужасом. Поскольку то там, то сям, в Африке, Азии, а то и на родине, он непременно оказывается в центре какого-то невысказанного, непредставимого зла с нарушением всех божеских и человеческих правил, пока наконец на глаза ей не попадает сообщение о том, что его наградили звездой, орденом, во второй уже раз, но теперь, однако, посмертно. Что, пытаясь спасти экипаж и так далее — малоправдоподобная чушь без попытки поместить в нее истинные подробности, впрочем, им и не место тут, — он погиб смертью храбрых и с ним еще столько-то человек. И ей, как и всем комментаторам, совершенно ясно, что вся эта официальная болтовня должна только скрыть, утопить в себе то позорное, гадкое, что случилось на самом деле — пьяную смерть на охоте, политическое убийство или что-нибудь в том же роде. Как странно, —

думает она, — подкрашенный, припудренный, он лежит теперь со своими огромными, неограниченными возможностями в дорожном гробу и ждет, когда под прекрасную музыку, которую вряд ли любил, его похоронят на самом что ни на есть лучшем кладбище рядом с писателями, артистами и композиторами. А хотела ли бы она, чтобы сообщение о самой гибели его оказалось ложным? — нет, такой вопрос себе лучше не задавать, ей-то он сделал только хорошее, тогда как всем остальным — только плохое, судя по тому, какую про него пишут и говорят жуть. Хорошо: жалко ли ей этого маленького человека с детским дефектом речи? Она ведь ему обязана пусть не жизнью, но — очень и очень многим: свободой дочери, этим вот югом Франции. Может, и жалко. Чуть-чуть.

17—18 сентября 2021 г.